

«ГРАД НА ХОЛМЕ» ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗНАЧИМЫХ ВЫЗОВОВ

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России

Аннотация: В обзоре главного редактора, представляющего посвященный американской политике выпуск, предложен контекст для рассмотрения кризисных процессов в американском социуме, исследуемых в статьях. Автор полагает, что этот кризис необходимо рассматривать в контексте концепции циклов американской истории, поскольку не исключено, что данный кризис имеет циклический характер. Многие нынешние коллизии США восходят к сходному источнику, каковым выступает острый внутриэлитный конфликт, вовлекающий в свою орбиту и значительную часть общества. Этот конфликт по своей глубине необычен, если учесть, что на протяжении многих десятилетий «фирменным знаком» американского политического класса был его консенсусный характер. Одним из важных элементов данного консенсуса можно считать безусловную ориентацию на глобальное американское лидерство и общую приверженность членов сообщества силовым императивам во внешней политике – либо классической жесткой, либо гибкой силе. Среди истоков преемственности американской внешней политики – ряд факторов. Это устойчивость институциональных механизмов принятия решений, которые, в свою очередь, базируются на устойчивой системе представительства доминирующих интересов; стабильность формальных и неформальных институтов, обеспечивающих высокую степень сплоченности элиты, и специфика американской политической культуры, в основе которой – комплекс политических и философских воззрений мессианского характера. Консенсусный характер политической элиты выступал системообразующим основанием либеральной демократии, поэтому слом консенсуса может повлечь – и частично уже повлек за собой – дестабилизацию политической системы США.

Ключевые слова: США, внешняя политика, политические элиты, политическая культура, цикличность

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии, МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политической науки; профессор, НИУ ВШЭ; главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и ОП Москвы, заместитель председателя Общественного Совета при Минобрнауки РФ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Представляемый выпуск «Сравнительной политики» посвящен рассмотрению ряда актуальных сюжетов внутренней и внешней политики Соединенных Штатов Америки – от экономической до миграционной тематики. Предполагаю, что одной из наиболее употребляемых характеристик современной американской политики является прилагательное «кризисный». При этом, как показала в свое время реализация Стэнфордского проекта (Crisis, Choice, and Change, 1973), источники кризисных явлений могут быть различными, а природа кризисов амбивалентна и многозначна: они могут быть как симптомами развития, так и сигналами об упадке социума. Адекватная оценка текущего этапа эволюции США предполагает помещение этого периода в исторический контекст: согласно гегелевской максиме, сущность лучше всего познается при переходе ее пределов. Для определения характера текущего кризиса (циклический, структурный, терминальный и т.п.) и его возможных последствий имеет смысл рассматривать столетнюю ретроспективу, включающую Великую депрессию 1930-х, массовые протесты рубежа 1960–70-х, экономический кризис 2008–2009 гг. На этом фоне нынешняя ситуация отягощена не только кумулятивным эффектом наложения нескольких противоречий, но также отличающим его от предшествовавших коллизий острым внутривнутриполитическим расколом и заметным расхождением национальных и надгосударственных интересов.

Атрибутивным свойством исторического процесса – не только американского – выступает его цикличность – экономическая, политическая, культурная, психологическая. Существенным фактором цикличности являются объективные смены «длинных волн», наиболее очевидными из которых выглядят смены массовых настроений между приверженностью общезначимым ценностям и частным интересам (Гаман-Голутвина, 2006: Гл. 6). Американская история – не исключение, о чем свидетельствуют впечатления Алексиса де Токвиля, оставившего в наследство потомкам детальное описание американского общества XIX века. Одним из наиболее ярких сюжетов можно считать разительные отличия американского общества, содержащиеся в первом и втором томах хрестоматийного труда Токвиля «Демократия в Америке». При этом публикацию первого (1835 г.) и второго томов (1840 г.) отделяли всего пять лет. В первой книге Токвиль восхищался гражданской активностью и приверженностью американцев общественным интересам: *если бы американцы «были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными»* (Токвиль, 1994: 191). Во второй книге американец предстает всецело поглощенным своими частными интересами: *«Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства»* (Токвиль, 1994: 377). Эта заметная разница настроений подвигла известного

американского историка А. Шлезингера-мл. предложить идею маятниковой смены частного и общественного интереса, которая легла в основу предложенной им концепции циклов американской истории, в которой цикл представляет собой движение от общезначимых целей к частным и обратно (Шлезингер, 1992). Данный подход не бесспорен, поскольку автор исходит из автономности психологических циклов, но звучит весьма убедительно. Опираясь на идею Эмерсона о физиологичности политической жизни, Шлезингер верно отмечал, что долгие усилия эмоционально истощают общество: *«Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти, идеализм и реформы. Общественные реформы передаются на попечение невидимой руки рынка»* (Шлезингер, 1992: 48). Шлезингер не ограничился абстрактными размышлениями, но смог подтвердить свою идею аргументами из американской истории, выявив очередность различных циклов. Политика Т. Рузвельта и В. Вильсона в начале XX века, «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта в 1930-е гг. и «справедливый курс» Г. Трумэна, «Новые горизонты» Дж. Кеннеди в 1960-е годы и «великое общество» Л. Джонсона сменялись Великой депрессией и президентством Д. Эйзенхауэра, а социальный подъем в 1960-х гг. в конце 1970-х пришел к неоконсервативной революции Р. Рейгана.

Динамика международного влияния США в последние полтора столетия была также нестабильной. В начале XX века страна вышла на мировую арену в качестве заметного игрока. Вторая половина столетия прошла под знаком обретения мирового могущества и статуса сверхдержавы (в связи с чем публицисты ввели в употребление оборот «американский век»), а начало XXI отмечено противоречивыми тенденциями, усилившимися в третью декаду. В контексте цикличности нынешний этап выглядит периодом упадка, исход которого не предопределен. Характеристики текущего периода столь часто включают констатации «впервые», что побуждают наблюдателей измерять свои сопоставления масштабом многих десятилетий, включая отсылки к коллизиям гражданской войны середины XIX столетия. Так, в октябре 2023 г. спикер Палаты представителей К. Маккарти лишился своего поста в результате вотума недоверия со стороны однопартийцев, что стало первой подобной отставкой в истории США. В 2024 году была предпринята попытка импичмента министра внутренней безопасности США А. Майоркаса в связи с критикой его

миграционной политики. Министр сохранил пост, но стал первым членом кабинета на протяжении 150 лет, в отношении которого была инициирована процедура импичмента.

На наш взгляд, многие коллизии США имеют сходный внутренний источник, каковым выступает острый внутриэлитный конфликт, вовлекающий в свою орбиту и значительную часть общества. Этот конфликт по своей глубине действительно необычен, если учесть, что на протяжении многих десятилетий «фирменным знаком» американского политического класса был его консенсусный характер (Политический класс в современном обществе, 2012). Возьмем на себя смелось утверждать, что текущий внутриэлитный конфликт в США сопоставим по глубине и остроте с гражданской войной середины XIX века, хотя и иные моменты были отмечены конфликтами, о чем свидетельствуют имевшие место в истории США убийства президентов страны и/или покушения на жизнь кандидатов в президенты. Четыре президента США – Авраам Линкольн в 1865 г., Джеймс Гарфилд в 1881 г., Уильям Мак-Кинли в 1901 г., Дж.Ф. Кеннеди в 1963 г. – были убиты в период исполнения своих полномочий; неоднократно были покушения на жизнь глав государства. Однако этот перечень не опровергает тезис о преимущественно консенсусном характере организации американской элиты: на мой взгляд, устранены были те, кто в той или иной мере посягал на элитный консенсус.

Наиболее последовательное выражение идея консенсусного характера организации американских элит получила в работах авторитетного американского политолога Джона Хигли (Dogan & Higley, 1998; Higley, 2000; Хигли, 2006; Best & Higley, 2010; Best & Higley, 2014; Best & Higley 2018; Хигли 2006; Хигли, 2012). Его идея состоит в разграничении трех различных модификаций властных групп: *конфликтно-разъединенной* (находящихся в антагонистически несовместимых отношениях, получающих разрешение в революциях и войнах, как это было в России 1917 года или в Китае 1949 года – см.: Skocpol, 1979); *идеологически единой* (кейс СССР) и *консенсусно объединенной* (США и другие западные политии). Как отмечали Дж. Хигли и М. Бартон, национальная элита является консенсусно единой, когда ее члены разделяют согласие по поводу правил и кодексов политического поведения, равнозначных «сдержанной партийности», и участвуют в более или менее всеобъемлющей интегрированной структуре, обеспечивающей им относительно надежный и эффективный доступ друг к другу и к принимающим решения лицам (Higley & Burton 2006: 19). Объединенные консенсусом элиты допускают достаточно высокий уровень разнообразия, но соблюдают негласные соглашения по вопросам норм и правил политического поведения, своего рода «кодекс сдержанной приверженности» (Higley, 2007: 270). Несмотря на существенные расхождения, политическую элиту США на протяжении значительного периода истории

можно было считать консенсусно объединенной, поскольку ее сплачивала общая система политических воззрений и ценностей, структурная интеграция элиты, наличие общих интересов, а также глубокое инкорпорирование общих правил игры (Best & Higley, 2010; Best & Higley, 2014). Системообразующее значение внутриэлитного консенсуса для политической системы состояло – помимо прочего – в том, что он выступал важнейшим основанием либеральной демократии, которая, в сущности, и родилась благодаря этому консенсусу (Higley & Burton, 2006). Соответственно, слом консенсуса может повлечь – и реально повлек за собой – кризис политической системы США.

Одним из важных элементов вышеупомянутого консенсуса в США можно считать общую приверженность членов сообщества императивам силы во внешней политике – либо классической *жесткой*, либо *гибкой* силе. Данная установка находит подтверждение в результатах эмпирических исследований. Так, известные американские исследователи Гвен Мур и Стефани Мак в работе «От Вьетнама до Ирака: Взгляды американской элиты на применение военной силы» (Moore & Mack 2007) подвергли анализу отношение американской элиты к использованию силы во внешней политике в период от вьетнамской войны до антитеррористической кампании в начале 2000-х гг. Убедительность результатам исследования придаёт нюансированное рассмотрение данного модуса применительно к различным сегментам властного сообщества, политическим партиям и гендерным сообществам, а также то, что авторы проследили данный модус в динамике: *«Если в 1975 году, через несколько месяцев после ухода США из Вьетнама, лишь немногие лидеры поддерживали применение военной силы за рубежом, то за три десятилетия после этого антимилитаристские взгляды сменились решительной поддержкой применения военной силы в различных международных ситуациях. К 1986 году большая часть послевьетнамского сдержанного отношения к применению силы изменилась на противоположное, и с 1986 года мнения стали более воинственными. Эти результаты свидетельствуют о долгосрочной тенденции к повышению уровня одобрения американскими лидерами применения военной силы. Временное нежелание делать это после войны во Вьетнаме было аномалией»* (Moore & Mack, 2007).

Полученные данные показали, что большинство лидеров США, по крайней мере, в течение последней четверти XX века, одобряли использование военной силы для достижения внешнеполитических целей страны, и подтвердили мнение о том, что большинство представителей американской элиты давно разделяют «военный» взгляд на реальность: Соединенные Штаты склонны к использованию военной мощи даже без поддержки союзников (Moore & Mack, 2007). Систематические данные о взглядах элиты на использование военной силы до 1975 года отсутствуют. Однако еще

в середине 1950-х годов Ч. Райт Миллс беспокоился о том, что у властной элиты сформировался преимущественно силовой взгляд на реальность (Mills, 1956: Ch. 8): «...У американской элиты нет никакого реального представления о мире – кроме как о некоей непростой интермедии, существующей шатко в силу баланса взаимного страха. Единственный серьезно принятый план «мира» – это полностью заряженный пистолет» (Mills, 1956: 185; см. также: Vacevich, 2005: 33; Vacevich, 2009; Vacevich, 2010).

Новый импульс этот модус получил в период президентства Дж. Буша-мл., когда в связи с событиями 11 сентября 2001 года была объявлена «война с террором». Анализируя управленческое сообщество и политику Дж. Буша-мл., Джон Хигли задавался вопросом, является ли элита Буша *абerrацией или предвестником* нового типа управления в США? (Higley, 2006). Опосредованный ответ на тот вопрос дал Эндрю Дж. Басевич, который в книге «Новый американский милитаризм: как американцев соблазняют войной» утверждал, что склонность американской элиты к применению силы не является специфической особенностью администрации Буша, а представляет собой долгосрочную тенденцию, по крайней мере, отчасти являющуюся реакцией на эксцессы 1960-х годов (Vacevich, 2005: 5-6). Басевич утверждал, что за последнюю четверть XX в. сложился элитный (и общественный) консенсус, согласно которому «американское военное превосходство – это безусловное благо» (Vacevich, 2005: 15). В том числе поэтому после окончания холодной войны США не стали сокращать военные расходы.

Присуждение в 2009 г. президенту Б. Обаме Нобелевской премии мира «авансом» было воспринято в качестве предвестника мирных перемен. Однако этим надеждам суждено было исполниться лишь частично. В данном контексте представляют интерес результаты эмпирического исследования по сопоставлению политических ориентаций и биографических данных ключевых для внешней политики США должностных лиц обеих (2001-2009 гг.) республиканских администраций Дж. Буша-мл. и обеих (2011-2017 гг.) демократических администраций президента Б. Обамы. Известно, что ключевыми в сфере принятия внешнеполитических решений фигурами кабинета является так называемая Большая пятерка – госсекретарь, министры обороны, финансов и юстиции, внутренней безопасности. Применительно ко всем лицам, занимавшим данные посты, были аккумулированы данные по следующим параметрам: возраст, место рождения, образование, религия, партийная принадлежность, карьерная хронология, включая военную службу, и бизнес-интересы (включая не артикулированные). В рамках исследования учитывались и такие факторы как общественная деятельность, принадлежность к политическому клану, братству, НПО и т.п. обеих администраций Буша и Обамы. Анализ показал: нет достаточных оснований для выводов о предопределенности политических

установок и актуальной политики того или иного лица такими факторами, как партийная аффилиация, образование, профессиональный профиль, опыт работы, с одной стороны, и доминирующими внешнеполитическими установками политиков, с другой (Фролова, 2015; Gaman-Golutvina, 2018). Можно говорить о субстантивной близости доминирующих установок политической элиты, определявшей внешнюю политику США в первые полтора десятилетия XXI века.

Данное обстоятельство особо рельефно проявляется при сопоставлении внешней политики администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Ряд неудач республиканской администрации (Ирак, Афганистан и др.) побудил демократическую администрацию существенно скорректировать внешнеполитическую стратегию. Это коснулось политики в Ираке, Афганистане, в сфере отношений с арабским миром, Россией, международными организациями. Принципиальное отличие внешней политики Обамы от Буша состояло в признании необходимости кооперативного взаимодействия с партнерами, признании уязвимости стратегии унилатерализма, в признании дипломатии и переговоров, а не военных методов в качестве основного инструмента внешней политики. Если при Буше главным дипломатическим ведомством был Пентагон, то при Обаме Госдеп вернул себе предписанный законом статус ключевого внешнеполитического института.

Существенным изменениям подверглись и методы реализации внешней политики – и в этом демократы извлекли уроки из ошибок республиканцев. Если администрация Буша использовала преимущественно силовые стратегии, то при Обаме приоритет был отдан гибким кооперативным методам, что нашло концептуализацию в многослойной идее *умной силы* как инструмента реализации американской «миссии по реализации справедливого миропорядка». Этот сдвиг в методах реализации внешней политики был отражен Джозефом Наем в его многомерной концепции *strategic smart power*, предполагавшей способность добиваться желаемого посредством интегрированного использования возможностей и ресурсов *soft power* и *hard power* (последняя предполагает как военную силу, так и экономическую мощь) (Nye, 2009; Nye, 2011). Многоликая синергетическая стратегия *умной силы smart power strategy* позиционировалась при Обаме в качестве доминирующего инструмента внешней политики.

Относительно истоков преемственности американской внешней политики США мне доводилось ранее писать (Gaman-Golutvina, 2018). Полагаю необходимым принять во внимание как минимум три фактора. Во-первых, это устойчивость институциональных механизмов принятия решений, которая, в свою очередь, базируется на устойчивой системе представительства доминирующих интересов. В несколько упрощенной версии

Уильям Домхофф так описывал механизмы трансляции доминирующих интересов в политическую сферу: *«Способность корпоративного сообщества трансформировать свою экономическую мощь в политическое влияние и его способность вступать в коалиции... делает его влияние наиболее важным в федеральном правительстве. Сочетание экономической власти, опыта в области политики и постоянного политического успеха делает корпоратократию доминирующим сообществом не в смысле полной и абсолютной власти, а в том смысле, что она имеет возможность определять экономические и политические рамки, в которых действуют иные сообщества»* (Domhoff, 2006: XIII–XIV; см. также: Domhoff et al., 2018; Harfst, Kubbe & Poguntke, 2017).

Другим фактором стабильности внешнеполитических установок является устойчивость формальных и неформальных институтов, обеспечивающих высокую степень сплоченности элиты – даже несмотря на внутренние расхождения (Гаман-Голутвина, 2004). Политические элиты США второй половины XX века были интегрированы в плотные сети и круги политического влияния и личных знакомств, которые связывали несколько тысяч высокопоставленных фигур политики, государственного управления, бизнеса, профсоюзов, средств массовой информации и различных групп интересов. *«Через такие круги и сети отдельные лица и группы поднимались...благодаря длительной карьере в выборных, партийных, административных и других политически значимых аренах».* (Higley, 2006; Higley, 2016: гл. 3; Best & Higley, 2018: Ch. 21; см. также: Higley, 2016; Higley, 2023). Внутриэлитная сплоченность достигалась в рамках широкого спектра социальных институтов, среди которых – *«закрытые кварталы, частные школы, эксклюзивные социальные клубы, балы дебютантов и уединенные летние курорты, некоммерческие организации – например, безналоговые фонды, аналитические политические центры и др.».* (Domhoff, 2006: XII–XIII). Несколькими десятилетиями ранее Ч. Райт Миллс, описывая относительное единство американской властной элиты, упоминал, что оно основано на *«социальном и личном смешении высших кругов каждой из иерархий»* (Mills, 1956: 292). Столь высокий уровень взаимопроникновения элит и сложность устоявшихся институтов препятствуют радикальным инновациям в политических курсах: *«Недоброжелателей в конгрессе нужно утихомиривать; возникшие во время прихода к власти политические долги нужно выплачивать; власть элит в других секторах общества нужно уважать; подготовка к следующим выборам сдерживает резкие действия; личное поведение и политические решения правящей группы – предмет пристального внимания и критики со стороны СМИ. В целом, достижение политических целей, резко отличных от предыдущих, затруднительно»* (Higley, 2006).

Политическая культура является еще одним, но не последним по значимости, источником внешнеполитической преемственности (Гаман-Голутвина, 2005). В основе политической культуры США лежит комплекс политических и философских воззрений, сложившихся к середине XX века на основе исторических идей, возникших на рубеже XVIII и XIX веков. Среди основных принципов американской идентичности – мессианские идеи о том, что Соединенным Штатам предопределено служить своего рода «государством-маяком» для всего остального мира (Баталов, 2014). Глобальное лидерство США рассматривается не только как приоритетный национальный интерес США, но и как безусловное благо для мира. Как писал Генри Киссинджер, *«ни один серьезный американский эксперт по внешней политике не может игнорировать традиции исключительности, в рамках которых сформировалась американская демократия»* (Kissinger, 2001: Ch. 1; см. также: Kissinger, 1994). Такое национальное самосознание автоматически снимает вопрос о пределах американского влияния, поскольку весь мир становится зоной ответственности США. В представленном номере профессор В.О. Печатнов подтверждает: «Сердцевинной американской идеологии является мессианство – представление об особой роли и предназначении США в мире. Зародившееся еще на заре американской истории и подкрепленное успешным опытом последующего развития, оно стало основой американской идентичности как страны, несущей в мир свободу и демократию».

Однако это только половина ответа на вопрос о мировоззренческих истоках внешней политики США. Как обоснованно отмечает профессор В.О. Печатнов: «Рядом с ... предельно морализаторским идеалистическим мессианством – сугубый прагматизм в духе «баланса сил», с его установками на извечность межгосударственного геополитического соперничества в борьбе за расширение границ и сфер влияния, культом военной мощи, цинизмом в использовании других государств в своих целях... Умение трезво рассчитывать и экономить свои силы за счет других, играть на противоречиях между соперниками, эгоистично отстаивать свои интересы, не оглядываясь на эмоции и международное право – все это свойственно внешней политике США с самого их появления на свет». Причем мессианство и прагматизм не противоречат, а дополняют друг друга: «Было бы упрощением считать мессианские претензии одним только циничным прикрытием геополитических целей, хотя такая функция тоже имеет место. Скорее можно говорить об их обосновании. Если США – это сила добра и прогресса, то любое сопротивление им является по определению злом и реакцией, а избранному народу позволено то, что не позволено остальным, в том числе – использование самых грязных методов в достижении столь высоких вселенских целей. Здесь кроется важный источник американских двойных стандартов в оценке собственного и чужого поведения».

Как отмечалось выше, подобные установки на протяжении многих десятилетий являлись предметом согласия и определяли консенсусный характер политической элиты США при том, что консенсус элит не препятствовал и не препятствует высокому уровню разнообразия: американская политическая элита структурно и функционально представляет собой многослойное полифункциональное сообщество со сложной системой взаимодействий. Однако, будучи плюралистичной по структуре, на протяжении десятилетий элита была консолидирована с точки зрения ценностей, идеологии и политической культуры, а процесс принятия внешнеполитических решений представал как нелинейное взаимодействие институциональных и неинституциональных факторов и преобразование полученных результатов в практический курс в соответствии с референтными моделями политической культуры и поведенческими установками ключевых фигур.

Сегодня эти характеристики отчасти выглядят как достояние прошлого: к настоящему времени практика политизации государственных институтов утратила единичный характер, стороны внутриэлитного конфликта активно мобилизуют общественную поддержку, а конфликт проецируется вовне. Профессор В.О. Печатнов, изучающий американскую политику на протяжении многих десятилетий, обоснованно констатирует: «Никогда еще различия между партиями не распространялись в такой степени на внешнюю политику. Водоразделы проходят по линиям: глобализация и экономическая интеграция, роль Америки в мире, отношение к союзникам и международным обязательствам, использование военной силы, участие США в международных организациях, глобальные проблемы... Вместе с тем углубляются и различия внутри каждой из партий».

Глубина межпартийных разногласий ярко проявляется в жизненно важной для США сфере – области нелегальной миграции на юго-западной границе США. Причем, как показывает А.Р. Войтоловская, данный вызов – не просто юридически сложная и этически нагруженная тема: это одна из трех наиболее важных проблем, наряду с неэффективностью действующего правительства и снижением уровня жизни. Согласно опросам, девять десятых республиканцев и три четверти демократов считают действия правительства в отношении ситуации на юго-западной границе США неэффективными, причем без малого три четверти республиканцев называют ее *«кризисом»*, а почти половина демократов – *«большой проблемой»*. К сказанному стоит добавить, что обостренное восприятие данной темы обусловлено тем, что история США – это во многом история противостояния: первых поселенцев с коренным населением; новых иммигрантов с иммигрантами предыдущей волны; властей штатов с федеральным истеблишментом; республиканцев с демократами и т.д. Глубина текущего раскола в современных США такова, чтобы даже межпартийные коалиции оказываются не способны достигнуть договоренности ни по одному

из ключевых вопросов, не говоря о выработке целостной функциональной системы мер, адекватной динамичным внутренним и внешним вызовам, включая проблему нелегальной миграции.

Различное видение внешнеполитической тактики отражается в подходах различных сегментов элит к отношениям с ключевым экономическим конкурентом – Китаем. В.Ю. Журавлева прослеживает, как согласные в концептуальном видении китайской угрозы демократы и республиканцы предлагают существенно отличающиеся пути противостояния ей. Отличие в тактике определяется различиями идейно-ценностных моделей, и разногласия появляются уже на этапе выработки концепции противостояния с соперником. В своем анализе В. Журавлева опирается на результаты масштабного исследования эксперта Университета Дьюка Рейчел Мирик, которая для выявления связи между кризисом и партийной поляризацией провела анализ выступлений конгрессменов США в отношении международных кризисов, затрагивающих США за период с 1873 по 2017 г. Исследование показало, что наличие внешней угрозы никак не решает проблему поляризации американского общества, вызванную эндогенными причинами (Myrick, 2021). Исследования демонстрируют отрицательную корреляцию на протяжении всего исследованного периода: внешние кризисы не уменьшают степень поляризации партийной риторики конгрессменов. В условиях растущей поляризации внешняя политика все чаще оказывается единственным полем для двухпартийного компромисса, что подтверждает взаимную приверженность обеих партий силовым стратегиям в международной политике. Причем парадоксальным образом двухпартийный антикитайский консенсус работает не на объединение, а на разделение США. Более того, чем глубже становится партийный раскол, тем больше разнятся реакции на него у представителей республиканцев и демократов на всех уровнях политической системы.

Внутриполитическая поляризация осложняет достижение успехов и в экономической сфере соперничества с Китаем. Одной из стратегических целей США на данном этапе выступает создание условий для расширения присутствия американского бизнеса и инвестиций в регионы Тихого и Индийского океана, Латинской Америки. С.В. Кислицын анализирует, как решению этих задач способствовали инициированные в период президента Дж. Байдена платформы – Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям (инициатива «Большой семерки»); Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС) и Партнерство Америк для экономического процветания (ПАЭП). Подобно инициативе «Пояса и пути» американские альтернативы не имеют жестких рамочных условий, равно как и исчерпывающего перечня реализуемых проектов, а представляют собой гибкие неформальные структуры, создающие условия

для взаимодействия с контрагентами из стран-партнеров. Характерная черта этих проектов состоит в том, что они имеют реактивный формат – программы создавались в качестве ответа на активную внешнеэкономическую деятельность КНР. Кроме того, американская внутривластная ситуация вынуждает Белый дом искать юридически нейтральные формы взаимодействия со странами-партнерами в области торговли и инвестиций, не заключая конкретных соглашений, но занимаясь формированием адекватной среды. Существенной проблемой и в этой сфере также является высокая внутривластная конфликтность, заметно осложняющая решение обозначенных задач.

Системное обозрение И.А. Истоминым американо-китайской конкуренции в стратегической плоскости обнаруживает разнообразный спектр возможных стратегий Вашингтона перед лицом подъема Китая, включая различные версии технологий аккомодации, давления и сдержанности. США пока не проявляют готовности к силовому устранению конкурента, сохраняя курс на поддержание интенсивных связей с КНР. Этот подход наблюдатели связывают с уверенностью США в долгосрочных основаниях своего могущества: Вашингтон не считает себя слабеющей стороной и рассчитывает на то, что в долгосрочной перспективе КНР не выдержит конкуренции с ним. Опорой для этого убеждения служит в том числе аналогия с Японией. Известно, что с середины 1950-х гг. до середины 1970-х гг. (некоторые экономисты, включая А.Р. Белоусова, относят начало стагнирующей траектории японской экономики к середине 1980-х гг.) Страна восходящего солнца совершила настоящее экономическое чудо – ни одно государство ни до, ни после не достигало столь стремительного экономического взлета, как Япония, что стало серьезным вызовом для США. Однако по экономическим – и не только – причинам Япония перешла в стадию стагнации, так и не достигнув американского уровня производительности, хотя была к нему ближе, чем КНР в середине 2020-х гг. Кроме того, основания для американского оптимизма эксперты усматривают в сохраняющейся в международных отношениях неопределенности относительно текущего соотношения сил между великими державами и неясности перспектив сохранения текущих трендов изменения национальной мощи.

Каковы перспективы разрешения текущего острейшего политического кризиса в США, осложненного негативной экономической динамикой, включая беспрецедентный государственный долг? Об этом размышляют авторы рецензируемой С.К. Бабкиной недавно изданной книги «Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность». Авторы издания из Дипломатической академии, ИМЭМО РАН, МГИМО МИД России, РУДН и отраслевых

институтов Российской академии наук анализируют значительный пласт американской геополитической мысли, размышляют над истоками американской государственности и историей американской империи с конца XIX в. по настоящее время.

Очевидно, что перспективы дальнейшей эволюции США зависят от значительной совокупности факторов, многие из которых, в свою очередь, становятся импульсом к возникновению новых противоречий и запускают цепную реакцию новых коллизий. Это существенно осложняет прогнозы и снижает их надежность. Поскольку сам объект – США в системе международных отношений – находится в режиме высокодинамичных трансформаций, и в условиях дефицита достоверной информации о возможных исходах этих трансформаций поиск общих ориентиров для прогноза приводит к размышлению о характере психологических измерений этой системы. Анализ показывает, что, несмотря на явления упадка и серьезный внутренний раскол, политический класс США проявляет фантастическое упорство в отстаивании своих позиций и принципиальную неготовность уступать лидерство. Это находит отражение, в частности, в невероятной настойчивости бескомпромиссной политики первичных и вторичных санкций США и союзников против Российской Федерации.

Известно, что после начала Специальной военной операции России на Украине число вторичных санкций США существенно возросло. Между тем в литературе сохраняется значительный пробел в области теоретического и эмпирического анализа вторичных санкций. На уровне теории сохраняются лакуны в определении понятия вторичных санкций; на эмпирическом уровне недостаточны фактические данные по систематизации применения вторичных санкций. Ценность исследования И.Н. Тимофеева состоит в заполнении обозначенных теоретических и эмпирических пробелов, в выявлении оснований и мотивов, конкретизации адресатов и технологий политики вторичных санкций США в отношении российских партнеров за рубежом после начала СВО. Убедительность результатам анализа придает опора на базу данных вторичных санкций США, включающую в себя 511 случаев за 2022–2024 гг. Среди оснований предсказуемо значима высокотехнологическая продукция и товары двойного назначения, а среди стран-адресатов вторичных санкций лидируют Китай, ОАЭ, Турция и Кипр – на эти четыре страны приходится 60% применений вторичных санкций, тогда как на все остальные – около 40%. Интересно сравнение Китая и Индии, бизнес которых придерживается принципиально разных стратегий: в первом случае активность значительно выше. Примечательно также относительно небольшое число адресатов вторичных санкций из стран постсоветского пространства. Объяснением такой ситуации могут служить более низкие объемы торговли в сравнении,

например, с Китаем; отсутствие возможностей становления финансовым хабом, подобным ОАЭ; отсутствие производства необходимого России высокотехнологичного оборудования и опасение вторичных санкций.

Позиция несогласия политического класса США с признанием своей слабости может служить основанием для предположений о том, каким образом могут в дальнейшем развиваться события. В.О. Печатнов в интервью для журнала прослеживает, как на протяжении своей истории Америка не раз демонстрировала способность находить выходы из кризисов посредством серьезных реформ. Более того, подобные кризисы, как и в истории других стран (например, в России середины XIX века), нередко становились импульсами модернизаций. Особенностью ряда американских модернизаций было разрешение противоречий между новой повесткой дня и старой политикой не путем революционных потрясений, а через процесс выборов, проведение реформ и партийные перегруппировки, которые рассматриваются в качестве «функционального эквивалента революций». Но, как показывает исторический опыт, подобные трансформации требуют эффективного политического лидерства, дефицит которого в Америке, как и в других политах Запада, очевиден.

Какой бы ключевой проблемы США мы бы не коснулись, ее решение опирается в острейший внутривнутриполитический раскол, что стало главным эндогенным вызовом. В этом нет ничего нового – как гласит Евангелие от Матфея, «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Устоит ли американский дом перед лицом вызовов, которые нередко определяют в качестве экзистенциальных? Достаточен ли запас прочности? Ответ авторов – скорее, позитивный. Но каким будет этот дом? Вопрос открыт.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. (2014) *Американская политическая мысль XX века*. М.: Прогресс-Традиция.
2. Гаман-Голутвина О.В. (2004) Партии и власть. *Свободная мысль* (9): 77–86.
3. Гаман-Голутвина О.В. (2005) Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК* 1(2): 38–49.
4. Гаман-Голутвина О.В. (2006) *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. М.: РОССПЭН.
5. *Политический класс в современном обществе* (2012) Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки. М.: РОССПЭН.
6. Токвиль А. (1992) *Демократия в Америке*. М.: Прогресс-Традиция.
7. Фролова О.А. (2015) *Структура американской политической элиты как субъекта мировой политики в начале XXI века*. Диссертация ... кандидата политических наук. М.: РУДН.
8. Хигли Дж. (2012) Революционные элиты. *Сравнительная политика* 3(2): 4–29. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-4-29.
9. Хигли Дж. (2006) Демократия и элиты. *Полития* 2(41).

10. Шлезингер А. (1992) *Циклы американской истории*. М.: Прогресс.
11. Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. (Eds.) (1973) *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. Boston: Little, Brown and Company.
12. Vacevich A.J. (2005) *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. N.Y.: Oxford University Press.
13. Vacevich A.J. (2009) *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. N.Y.: Henry Holt and Company.
14. Vacevich A.J. (2010) *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N.Y.: Metropolitan Books.
15. Vacevich A.J. (2013) *Breach of Trust. How Americans Failed Their Soldiers and Their Country*. N.Y.: Metropolitan Book.
16. Best H., Higley J. (Eds.) (2010) *Democratic elitism: New theoretical and comparative perspectives*. Leiden, Boston: Brill.
17. Best H., Higley J. (Eds.) (2014) *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. London: Palgrave Macmillan.
18. Best H., Higley J. (Eds.) (2018) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan.
19. Dogan M., Higley J. (Eds.) (1998) *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Rowman & Littlefield Publishers.
20. Domhoff W.G. (2006) *Who Rules America: Power and Politics*, 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill.
21. Domhoff W.G. et al. (2018) *Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge.
22. Gaman-Golutvina O. (2018) Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. *Historical Social Research* 43(4): 141-163. DOI: 10.12759/hsr.43.2018.4.141-163.
23. Harfst Ph., Kubbe I., Poguntke T. (eds.) (2007). *Parties, Governments and Elites. The Comparative Study of Democracy*. Wiesbaden: Springer.
24. Higley J. (2006) The Bush Elite: Aberration or Harbinger? In: *The Rise of AntiAmericanism*. Ed. Brendan O'Connor and Martin Griffiths: 155-168. London: Routledge.
25. Higley J. (2007) Democracy and Elites. *Comparative Studies of Social and Political Elites. Comparative Social Research*. Vol. 23.
26. Higley J. (2016) *The Endangered West. Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. N.Y.: Routledge.
27. Higley J. (2023) *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics Avoiding Calamity*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-52307-6.
28. Higley J. (Ed.) (2000) *Elites after State Socialism*. Rowman & Littlefield.
29. Higley J., Burton M. (2006) *Elite Foundations of Liberal Democracies*. Oxford: Rowman & Littlefield.
30. Higley J., Pakulski J. (2007) Elite and Leadership Change in Liberal Democracies. *Comparative Sociology* 6(1-2): 6-26.
31. Kissinger H. (1994) *Diplomacy*. N.Y.: Simon and Shuster.
32. Kissinger H. (2001) *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. N.Y.: Simon and Schuster.
33. Mills C. W. (1956) *The Power Elite*. N.Y.: Oxford University Press.
34. Moore G., Mack S. (2007) From Vietnam to Iraq: American Elites' Views on the Use of Military Force. *Comparative Sociology* 6(1-2): 215-31.
35. Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
36. Nye J.S. (2009) Get Smart. Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs* 88 (4): 160-163.
37. Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. N.Y.: Public Affairs.
38. Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N.Y.: Cambridge University Press.

"CITY UPON A HILL" IN THE FACE OF SIGNIFICANT CHALLENGES

Dr. Oksana Viktorovna GAMAN-GOLUTVINA – Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal; Member, Public Chamber of the Russian Federation and the Public Council under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The editor-in-chief proposes a context for examining the crisis processes in American society explored in the articles. The author suggests that this crisis should be viewed in the context of the American history cycles. Many of the current conflicts in the USA have a similar internal source, which is a sharp intra-elite conflict involving a significant part of society. This conflict is unusual in its depth, given that for many decades the «trademark» of the American political class has been its consensus character. One important element of this consensus can be seen as an unquestioned focus on global American leadership and a shared commitment among members of the community to the force imperatives in foreign policy – either the classic "hard" or "flexible" power. Among the sources of American foreign policy continuity are a number of factors. First, it is the stability of institutional mechanisms of decision-making, which, in turn, is based on a stable system of representation of dominant interests. Second, the stability of formal and informal institutions that ensure a high degree of elite cohesion; and the specificity of American political culture, which is based on a set of political and philosophical views of messianic nature. The consensual nature of the political elite was the system-forming basis of liberal democracy, so the breakdown of this consensus may entail – and partially has already entailed – a crisis of the US political system.

Keywords: USA, foreign policy, political elites, political culture

References:

1. Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. (Eds.) (1973) *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. Boston: Little, Brown and Company.
2. Bacevich A.J. (2005) *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. N.Y.: Oxford University Press.
3. Bacevich A.J. (2009) *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. N.Y.: Henry Holt and Company.
4. Bacevich A.J. (2010) *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N.Y.: Metropolitan Books.
5. Bacevich A.J. (2013) *Breach of Trust. How Americans Failed Their Soldiers and Their Country*. N.Y.: Metropolitan Book.
6. Batalov E.Ya. (2014) *American Political Thought of the Twentieth Century [Amerikanskaya politicheskaya mysl' 20 veka]*. M.: Progress-Tradiciya. (In Russian).

7. Best H., Higley J. (Eds.) (2010) *Democratic elitism: New theoretical and comparative perspectives*. Leiden, Boston: Brill.
8. Best H., Higley J. (Eds.) (2014) *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. London: Palgrave Macmillan.
9. Best H., Higley J. (Eds.) (2018) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan.
10. Dogan M., Higley J. (Eds.) (1998) *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Rowman & Littlefield Publishers.
11. Domhoff W.G. (2006) *Who Rules America: Power and Politics*, 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill.
12. Domhoff W.G. et al. (2018) *Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge.
13. Frolova O.A. (2015) *The Structure of the American Political Elite as a Subject of World Politics in the Early XXI Century [Struktura amerikanskoj politicheskoj elity kak sub»ekta mirovoj politiki v nachale XXI veka]*. PhD Dissertation. M.: RUDN University. (In Russian).
14. Gaman-Golutvina O. (2018) Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. *Historical Social Research* 43(4): 141-163. DOI: 10.12759/hsr.43.2018.4.141-163.
15. Gaman-Golutvina O.V. (2004) Parties and Power [Partii i Vlast']. *Free Thought [Svobodnaya Mysl']*(9): 77-86. (In Russian).
16. Gaman-Golutvina O.V. (2005) Development of the Category «Political Culture» in Socio-Political Thought [Razvitie kategorii «politicheskaya kul'tura» v obshchestvenno-politicheskoj mysli]. *Political Expertise: POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*1(2): 38-49. (In Russian).
17. Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Political Elites in Russia: Milestones of Historical Evolution [Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyucii]*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
18. Harfst Ph., Kubbe I., Poguntke T. (eds.) (2007). *Parties, Governments and Elites. The Comparative Study of Democracy*. Wiesbaden: Springer.
19. Higley J. (2006) Democracy and Elites [Demokratiya i elity]. *Polity [Politiya]* 2(41). (In Russian).
20. Higley J. (2006) The Bush Elite: Aberration or Harbinger? In: *The Rise of AntiAmericanism*. Ed. Brendan O'Connor and Martin Griffiths: 155-168. London: Routledge.
21. Higley J. (2007) Democracy and Elites. *Comparative Studies of Social and Political Elites. Comparative Social Research*. Vol. 23.
22. Higley J. (2012) Revolutionary Elites [Revolucionnyye elity]. *Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]*3(2): 4-29. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-4-29. (In Russian).
23. Higley J. (2016) *The Endangered West. Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. N.Y.: Routledge.
24. Higley J. (2023) *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics Avoiding Calamity*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-52307-6.
25. Higley J. (Ed.) (2000) *Elites after State Socialism*. Rowman & Littlefield.
26. Higley J., Burton M. (2006) *Elite Foundations of Liberal Democracies*. Oxford: Rowman & Littlefield.
27. Higley J., Pakulski J. (2007) Elite and Leadership Change in Liberal Democracies. *Comparative Sociology* 6(1-2): 6-26.
28. Kissinger H. (1994) *Diplomacy*. N.Y.: Simon and Shuster.
29. Kissinger H. (2001) *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. N.Y.: Simon and Schuster.
30. Mills C. W. (1956) *The Power Elite*. N.Y.: Oxford University Press.
31. Moore G., Mack S. (2007) From Vietnam to Iraq: American Elites' Views on the Use of Military Force. *Comparative Sociology* 6(1-2): 215-31.
32. Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

33. Nye J.S. (2009) Get Smart. Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs* 88 (4): 160–163.
34. Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. N.Y.: Public Affairs.
35. *Political Class in Modern Society [Politicheskij klass v sovremennom obshchestve]* (2012) Ser. Library of the Russian Association of Political Science. M.: ROSSPEN. (In Russian).
36. Schlesinger A. (1992) *Cycles of American History [Cikly amerikanskoj istorii]*. M.: Progress. (In Russian).
37. Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N.Y.: Cambridge University Press.
38. Tocqueville A. (1992) *Democracy in America [Demokratiya v Amerike]*. M.: Progress-Tradiciya. (In Russian).